

2. Горло Е. А. Поэтический дискурс: перформативность, интенциональность, медийность / Е. А. Горло. – Ростов н/Д : ИПО ПИ ЮФУ, 2007. – 336 с.
3. Лосев Л. Иосиф Бродский : Опыт литературной биографии / Л. Лосев. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 447 с.
4. Полухина В. П. Больше самого себя. О Бродском / В. П. Полухина. – Томск : ИД СК-С, 2009. – 416 с.
5. Райан В. Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / [пер. с англ. А. Чернецов] // В. Ф. Райан. – М. : НЛЮ. – 720 с.
6. Ранчин А. На пиру Мнемозины. Интертексты Иосифа Бродского / А. Ранчин. – М. : НЛЮ, 2001. – 464 с.
7. Топорков А. Л. Заговор / А. Л. Топорков // Славянская мифология: [энцикл. словарь] / [под ред. Л. М. Анисова]. – М. : Эллис Лак, 1995. – С. 185–186.
8. Топоров В. Н. О статусе и природе заговора (теоретический аспект) / В. Н. Топоров // Этнолингвистика текста : Семиотика малых форм фольклора: [тезисы к симпозиуму]. – М. : Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1988. – С. 22–25.
9. Фокина С. А. Перформативность как фактор авангардной эстетики в цикле М. И. Цветаевой «Скифские» / С. А. Фокина // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. № 130: Studia Russologica V. – Krakow : Copyright Wydawnictwo Naukowe, 2013. – С. 106–116.
10. Харитонова В. И. Заговорно-заклинательная традиция восточных славян (к проблеме бытования фольклорно-этнографического материала) / В. И. Харитонова // Этнолингвистика текста : Семиотика малых форм фольклора: [тезисы к симпозиуму]. – М. : Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1988. – С. 34–36.
11. Чернявская Д. С. А.С. Пушкин и И. Бродский как проблема современной литературной герменевтики / Д. С. Чернявская // Автор – твор – читач : [зб. наук. праць] / ред. кол. Є. М. Черноіваненко, Н. М. Шляхова, М. В. Пащенко. – Одеса : Астропринт, 2012. – С. 135–145.
12. Янгфельдт Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском / Б. Янгфельдт. – М. : Астрель, CORPUS, 2012. – 368 с.

Евгения Митева

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПЛАСТЫ В СТИХОТВОРЕНИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ «РЫЦАРЬ АНГЕЛОПОДОБНЫЙ» КАК ФАКТОРЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Актуальность исследования обусловлена интересом современного литературоведения, как к цикличности мышления поэта, так и, зачастую связанными с ней, процессами концептуализации. Цикличность и концептуализация несомненно проявлены в цветаевской лирике, обращенной к С. Эфрону, и представляются весьма привлекательными для анализа.

Цель статьи – изучение взаимосвязи процессов концептуализации и интертекстуальности в цветаевском стихотворении «Рыцарь ангелоподобный», посвященном С. Эфрону.

В 1910-е годы значительный пласт лирики М. Цветаевой адресован С. Эфрону. В этот период творчества поэтесса мифологизирует воспроизводимый образ супруга, связывая рецепцию его в своей поэтической системе с темой рыцарства. Именно феномен рыцарства

не только связывается в ментальном мире М. Цветаевой в этот период с личностью Сергея Эфрона, но и неизменно концептуализируется.

Изучая понятие «концепт», Е. Кубрякова устанавливает что – «это некий отдельный смысл, некая идея, имеющаяся у нас в сознании...» [3, 316]. Помимо работ классиков научной концептологии приоритетными для данного исследования являются позиции ученых Одесского университета. Так Н. Сподарец отмечает, что концепт предстает «как ментально-когнитивная единица, которая в границах словесного знака и языка предстает в своих содержательных формах образом, понятием и символом» [5, 36]. По наблюдению С. Фокиной, «...авторский концепт художника слова предстает своего рода ключом к пониманию его эстетической системы, позволяя прочитывать коды, символику, образы и понятия в соотношении с ментальными показателями, как явно выраженными и манифестируемыми, так и скрытыми и даже зашифрованными» [8, 325]. Но помимо ментальной составляющей концепта показательна и культурная, даже более связанная с интертекстом.

Ю. Степанов в статье «Интертекст, культурный контекст, ноосфера» сопоставляет понятие концепт и интертекстуальность и подчеркивает их глубинную связь. По мнению исследователя, «интертексты – форма существования сложных культурных концептов» [6, 81]. На основании данной идеи можно говорить о важности интертекстуальных отсылок как одного из слоев семантического поля концепта.

В осмыслении специфики интертекстуальности ключевыми для данной статьи стали идеи Ю. Кристевой, Н. Фатеевой, Н. Пьеге-Гро.

Сам термин «интертекстуальность» ввела в обиход Ю. Кристева и дала ему следующее определение: «Интертекстуальность – это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» [2, 225]. Для современной французской исследовательницы Н. Пьеге-Гро «интертекстуальность <...> – это устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст, а интертекст – это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении» [4, 23]. Позиция Н. Фатеевой обращена, прежде всего, к читателю, для которого интертекстуальность – «установка на 1) более углубленное понимание текста или 2) разрешение непонимания текста (текстовых аномалий) за счет установления многомерных связей с другими текстами» [7, 16]. В данном плане показательна и утверждение Н. Пьеге-Гро, что «интертекст используется наподобие маски, которую надо сорвать, или наподобие кода, подлежащего дешифровке» [4, 66]. Приведенные идеи ученых акцентируют необходимость читательской активности, направленной на своего рода дешифровку текста и выявления интертекстов.

Исходя из вышеизложенного, можно выдвинуть гипотезу о том, что интертекстуальность дополняет семантическое поле концепта и активизирует самобытность концептуализации в ментальном универсуме автора.

Среди лирики М. Цветаевой 1910-х годов, обращенной к Сергею Эфрону, наиболее насыщенным интертекстуальными отсылками представляется написанное 14 июля 1918 года стихотворение «Рыцарь ангелоподобный».

*Рыцарь ангелоподобный –
Долг! – Небесный часовой!
Белый памятник надгробный
На моей груди живой.*

*За моей спиной крылатой
Вырастающий ключарь,
Еженощный соглядатай,
Ежеутренний звонарь.*

*Страсть, и юность, и гордыня –
Все сдалось без мятежа,
Оттого что ты рабыне
Первый молвил: – Госпожа!*

Образ рыцаря в подтексте обыгрывает цветаевский миф о своем муже – Сергее Эфроне. Характерно, что рыцарь дарит свободу лирической героине, ведь он источник вдохновения. Но при этом, именно рыцарь сдерживает от порочных страстей и греха, воплощая персонификацию долга.

М. Цветаева принципиально мифологизирует личность С. Эфрона и его судьбу, приравнивая в своем поэтическом тексте их к «ангелоподобию». Цветаевская точка зрения такова – С. Эфрон предано служит Отчизне, а Марина Цветаева как поэт старается предано служить ему, воспевая и возвышая до «небесного часового».

Но в скрытом виде мотивам каменности и стойкости рыцаря противопоставляется тема неверности лирической героини, прежде всего, эротической. Именно тема эротической свободы, подразумевающей и греховность, позволяет обыграть в качестве литературной маски образ Марии Магдалины – «раскаявшейся блудницы», которую исцелил Иисус Христос от одержимости семью бесами. Тема Магдалины как воплощения страстной и грешной женщины, преображенной христовым благодеянием, задает интертекстуальные отсылки, влияющие на дальнейшее развитие лирического сюжета цветаевского стихотворения. С цветаевской героиней Магдалину сближает та самая греховность, страстность, могущая обернуться и порочностью, от которой лирическую героиню оберегает «небесный часовой».

М. Цветаева в знак верности мифологизирует свое отношение к мужу, как к рыцарю, подразумевая и его судьбу белогвардейца, Ангела, который всегда рядом, независимо от своего местонахождения. Тема соприсутствия рыцаря вводит не только мотив верности, но и смерти, подразумевая запрет для лирической героини страстей и других влюбленностей («Белый памятник надгробный»).

Рыцарь ангелоподобный неизменно вместе с лирической героиней, не только оберегает ее, но и лишает свободы. Так М. Цветаева неоднозначно интерпретирует тему единения душ: нерасторжимый союз с Ангелом-хранителем налагает запреты:

*За моей спиной крылатой
Вырастающий ключарь,
Еженощный соглядатай,
Ежеутренний звонарь.*

Кроме того, в строфе «*Рыцарь ангелоподобный – / Долг! – Небесный часовой! / Белый памятник надгробный / На моей груди живой...*» можно проследить скрытую переключку с «Каменным гостем» А. С. Пушкина. Лирическая героиня совмещает ипостась Дон Гуана («жертвы страсти безнадёжной») и Доны Анны, которая «никогда с мужчиной не говорит»,

а Ангел частично соотносится со статуей командора («недаром же покойник был ревнив») и представляет собой персонифицированный долг:

*Проси статую завтра к Доне Анне
Прийти попозже вечером и стать
У двери на часах.*

Лирическая героиня стихотворения «Рыцарь ангелоподобный» выступает в амплуа грешницы, что сближает её с Дон Гуаном, а роль каменного командора, которому Дона Анна воздвигла памятник, достаётся рыцарю-адресату стихотворения. Именно в этом и заключается скрытая переключка с «Каменным гостем» А. С. Пушкина.

Действительно, с одной стороны «рыцарь ангелоподобный» всегда рядом, он Ангел-Хранитель, оберегающий её от невзгод, но с другой стороны, он оберегает её от страстей, грешности, от всех черт, которые сближают её с Дон Гуаном.

При этом М. Цветаева, как А. С. Пушкин, частично сохраняют культурную модель рыцарства. Для обоих поэтов рыцарь должен быть благородным, что и совпадает с культурной традицией. Также общим в понимании рыцарства для А. С. Пушкина и М. Цветаевой является благородство души, чистота, непорочность, некая отрешённость, смелость духа и аскетизм.

Интертекстуальность позволяет соотнести образ цветаевской лирической героини также с образом Ренаты – героини романа В. Я. Брюсова «Огненный Ангел». Сама М. Цветаева отмечала: «Стихи Брюсова я любила с 16 лет по 17 лет... Больше же стихов его – и эта любовь живет и поныне – его “Огненного Ангела”...» [9, 3]. Как и Рената, лирическая героиня разрывается между враждебными, полярными страстями. В данном плане показательны слова Ренаты: «Я любовалась тобой <...> но, когда тебе случалось поймать мой любовный взгляд, я начинала говорить тебе о Генрихе. <...> Но разве же я смела признаться, что люблю тебя, после всего, что говорила тебе о моей любви к Генриху?» [1, 483]. Данный фрагмент брюсовского романа подтверждает разобщенность души Ренаты, чем она и привлекательна для М. Цветаевой. Именно метущаяся и мятежная душа Ренаты оказывается созвучна цветаевской лирической героине. Для М. Цветаевой Рената становится знаком неоднозначности чувств, отмеченных стремлением хранить верность и в то же время проявлять распутное, нечестивое начало.

Концепт «рыцарство» интерпретируемый поэтессой в стихотворении «Рыцарь ангелоподобный» позволяет включить в свое семантическое поле и блоковские интертексты, в частности отсылки к стихотворению А. Блока «Любил я нежные слова...». Так показательно частичное совпадение образных систем цветаевского и блоковского поэтических текстов.

Лирический герой блоковского стихотворения, называя возлюбленную «вечным другом», будто причисляет их отношения к некому братству. Такая модель отношений частично близка и цветаевскому мироощущению и, несомненно, переносима на ее миф об отношениях с Сергеем Эфроном. Свобода для блоковского лирического героя – это служение любимой. Таким образом, образ лирического героя трансформируется в образ рыцаря, беспрекословно служащий Прекрасной Даме. Недаром он называет себя «рабом», но это сладостное рабство, он раб любви. Это и объясняет, почему свобода для лирического героя служение.

Я знал, задумчивый поэт,

*Что ни один не ведал гений
Такой свободы, как обет
Моих невольничьих Служении.*

Также как и доблестный рыцарь в цветаевском стихотворении, рыцарь блоковского стихотворения преданно служит своей Даме и вместе с этим охраняет её: «*Я стерегу Ее ключи / И с ней присутствую, незримый...*», даже защищает и всегда рядом, хоть и невидим, недоступен взору. В этом можно обнаружить несовпадение с цветаевской концепцией, ведь неоднозначность рыцарского хранения у Цветаевой по-разному воспринимается – он охраняет её от бед и жизненных неурядиц, но, в то же время и пытается защитить от неверности и прелюбодеяний. Лирический герой А. Блока готов всю жизнь служить своей таинственной мечте, которая недоступна, неисповедима:

*Со мной всю жизнь – один Завет:
Завет служенья Непостижной.*

Для М. Цветаевой важно переосмыслить решение темы рыцарства А. Блоком. Показательно, что блоковский лирический герой неустранимый и благородный рыцарь, служащий Прекрасной Даме, воспевающий Её. У Цветаевой же наоборот – Прекрасная Дама воспеваема рыцаря.

Если у Блока лирическое «я» принципиально мужское – «вечный друг», и олицетворяет служение данное свыше, то лирическое «я» М. Цветаевой одновременно женское и андрогинное.

Характерной для данного цветаевского стихотворения становится идея воспевания не рыцарем Прекрасной Дамы, а то, что лирическая героиня, соотносимая в цветаевском мифе с личностью поэтессы, воспеваема мужа, представляющего в ее лирике своего рода рыцарем. Кроме того, в этом тексте отчетлив мотив неверности, актуализированный в образе грешницы. В этом плане показательны ипостаси Марии Магдалины, женская ипостась Дон Гуана, Ренаты, модифицирующие цветаевский концепт «рыцарство»: Рыцарь ангелоподобный охраняет грешницу от ее страстей.

Показательно, что цветаевская парадигма концепта «рыцарство» ориентирована не только на трансформации средневековых культурных кодов, а также пушкинских, брюсовских, блоковских интертекстов.

Но помимо скрытого влияния образной системы пушкинского, брюсовского, блоковского текстов на цветаевский, не менее важно, что образ Сергея Эфрона в подтексте цветаевского стихотворении трансформирует представление о Музе и отождествляется с рыцарем, ставшим Ангелом-хранителем.

Список использованной литературы

1. Брюсов В. Огненный ангел / В. Брюсов. – СПб. : Азбука-классика, 2006. – 488 с.
2. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Диалог. Карнавал. Хронотоп ; [пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова]. – М. : Прогресс, 2000. – С. 427–457.
3. Кубрякова Е. С. Концепт / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов / [под ред. Е. С. Кубряковой]. – М. : МГУ. Филологический факультет, 1996. – С. 90–105.
4. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности ; [пер. с франц., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова] / Н. Пьеге-Гро. – М. : ЛКИ, 2008. – 240 с.

5. Сподарец Н. В. К проблеме художественной концептуализации феномена человека в лирике Ш. Бодлера и А. Блока [Электронный ресурс] / Н. В. Сподарец. – Режим доступа: http://journals.uspu.ru/attachments/article/84/Vest_2012_1_1.pdf
6. Степанов Ю. С. Интертекст, культурный контекст, ноосфера / Ю. С. Степанов // Теоретико-литературные итоги XX века / [под ред. Ю. Б. Борева]. – Т. 1. : Литературное произведение и художественный процесс. – М. : Наука, 2003. – С. 80–104.
7. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – М. : КомКнига, 2007. – 280 с.
8. Фокина С. А. Концепт «ревность» в ментальном универсуме М. Цветаевой / С. А. Фокина // Слов'янський збірник : [зб. наук. праць] / [відп. ред. О. А. Войцева]. – Вип. XVII. – Чернівці : Букрек, 2013. – С. 324–332.
9. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина] / М. Цветаева. – М. : ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997.

Віра Музика

ФОРМИ НАРАЦІЇ У ПОВІСТІ І. ЛИПИ "З НОВОГО СВІТУ"

Після здобуття Україною незалежності у вітчизняну історію починають повертатися імена її несправедливо забутих синів. Це люди, які, незважаючи на погрози та невдачі, не зрікалися своїх поглядів, продовжували працювати і відстоювати свою позицію. Їхня «свавільна поведінка» була не угідною владі і жорстко каралась роками замовчувань, ворожим ставленням, розлукою з близькими, психічним та фізичним знищенням. Така доля спіткала й видатного письменника кінця XIX – початку XX століття – Івана Липу.

Перші твори Івана Липи надрукували в журналі «Зоря» і продовжили систематично видавати на сторінках «Правди», «Нової громади», «Будучини», «Української хати», «Літературно-наукового вісника», «Шершеня», деякі увійшли до складу альманахів «Досвітні огні», «З неволі», «Степ», антологіях «З-над хмар і долин» (1903), «З потоку життя» (1905), «За красою» (1905). Після виходу друком повісті «З нового світу» (1917 р.) П. Багацький у своїй рецензії охарактеризував складні умови, в яких доводилось працювати невтомному трудівникові: «Перед нами лежить книжечка українського письменника – Івана Липи, письменника, ім'я котрого траплялось зустрічати у періодичній пресі не з учорашнього дня, але разом з тим цілком невідомого сучасному читачеві. Його літературна доля є загальною долею дуже багатьох українських письменників, його читають, забувають і зовсім не знають, бо твори його досі не видані, розкидані по різних виданнях, а література не занотувала серйозною, докладною статтею його довголітньої двадцятип'ятилітньої праці» [1, 522].

Творчість Івана Липи мала виразне національне спрямування та наповнення. Винятком стала психологічна повість «З нового світу». Донині повість залишається маловідомою, адже з 1917 р. не перевидавалася.

Незважаючи на те, що дослідженням творчості І. Липи займалися багато літературознавців (В. Качкан, О. Янчук, П. Багацький, О. Кривуляк, Н. Шумило, А. Пляченко), деякі аспекти художньої творчості митця досі залишаються маловивченими.